

РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ: ДЕТЕРМИНАНТЫ НЕУЧАСТИЯ

Рассматривается современное состояние политического сознания молодёжи в регионах юга Западной Сибири – Алтайского края и Республики Алтай. Политические ценности молодого поколения анализируются в контексте трансформации политической системы 90-х гг. ХХ в. в России. В то же время уделяется внимание социально-экономической специфике двух регионов. Влияние на политическое сознание молодёжи дотационного характера экономики, неудовлетворенность работой политических институтов демонстрируют кризис институционального доверия и рост аполитичности среди молодых людей.

Ключевые слова: политическое сознание молодёжи; институциональная трансформация; Алтайский край; Республика Алтай.

Эффективность развития общества многими современными исследователями связывается с наличием устойчивых, понятных акторам «правил игры» или, согласно неоинституционализму, институтов, понимаемых как совокупность правил, норм и санкций, образующих политические, социальные и юридические рамки взаимодействий между людьми. Исходя из этого, политические реформы в России в конце ХХ в. могут быть определены как институциональная трансформация, в ходе которой изменение формальных и неформальных норм детерминировало новый каркас политической системы и практики ее функционирования. При этом именно неформальные институты обеспечивают глубинную, стабилизирующую основу трансформации. Иными словами, эффективные кардинальные институциональные изменения происходят, как правило, медленно, вырастают в среде, с которой они непосредственно связаны, и в процессе развития сами трансформируют сообщество, являющееся средой для всех его институтов.

Россия все этапы модернизации проходила не как институциональное развитие (эволюционно), а как импорт (трансплантацию) формальных институтов. В этих условиях привнесенные институты воспринимаются как чужеродные, порождая не только различия в их интерпретации, но и радикальные сомнения в их значимости. Ключевую роль в этом случае начинает играть конгруэнтность смыслов импортированных институтов в стране-доноре и стране-реципиенте. Высокая степень конгруэнтности приводит к постепенной конвергенции; низкая – к дивергенции, которая может повлечь за собой отторжение импортированных институтов или их перерождение, когда возникают институциональные гибриды или импортированные институты становятся лишь «оболочкой», внутри которой функционируют неформальные, традиционные для общества-реципиента практики [1. С. 101]. Аналогичная ситуация возникла и при трансформации политической системы в России в 90-е гг. ХХ в., обусловив ее попадание в институциональную ловушку, выход из которой предполагает поиск путей повышения эффективности политической власти и формирования долгосрочных механизмов легитимации новых институтов.

В особенно сложных условиях оказалось молодое поколение, для которого институциональные инновации накладывались на трудности текущего процесса

социализации, а также на социальные, психологические и физиологические особенности данной возрастной группы, главными из которых, по мнению сторонников социально-психологического подхода (Г. Стэнли Холла, К. Грооса, Ш. Бюлера, А. Фрейда, В. Райха, Э. Фромма, Э. Эриксона и др.), являются увеличение активности и социальной мобильности, стремление к повышению социального статуса [2. С. 125].

В политической сфере это приводило к ситуации, когда, с одной стороны, новая политическая элита стремилась вовлечь молодёжь в политический процесс в качестве акторов новых институтов, с другой стороны, государственная молодёжная политика была недостаточно разработана, и молодое поколение зачастую превращалось в «инструмент» борьбы за власть, что существенным образом повлияло на его политическое сознание и уровень политического участия. Данная проблема особенно важна, поскольку именно молодёжь является одной из тех социальных групп, которая служит фактором институциональных инноваций и развития общества.

В этой статье нами анализируются особенности и детерминанты политического сознания и установок на политическое участие современной российской молодёжи на федеральном и региональном уровне, делается попытка оценить её потенциал в трансформации политических институтов.

В настоящее время вопрос степени включенности молодёжи в политические процессы вызывает активные дискуссии. Многие авторы делают акцент на том, что молодёжь является активным субъектом современных политических процессов и преобразований, и только отсутствие в России развитого гражданского общества, несовершенство деятельности и функционирования различных институтов политической системы мешают российской молодёжи реализовать имеющийся у неё творческий потенциал в политической сфере [3. С. 54]. Например, И.Н. Кольжанова обращает внимание на такие положительные моменты в модернизирующейся России, как омоложение властных структур, проникновение молодёжи в социоактивные группы предпринимателей, формирование новых образцов политической культуры, создание собственных молодёжных организаций, выдвижение политических лидеров, структурирование молодёжных политических элит [4. С. 92].

Другие исследователи считают, что молодёжь постсоветской России негативно настроена по отношению практически ко всем властным структурам, отрицательно воспринимает развитие политической ситуации в стране, не видит для себя возможности оказать влияние на политический процесс, поэтому гражданки пассивна и аполитична. А. Антонов утверждает, что «часть той молодёжи, которая осознает существующие проблемы в стране и желает предложить пути выхода из сложившегося положения, очень мала. Даже такой простой способ влияния на политическое развитие, как выборы, использует крайне малое число молодых людей. Статистика неумолимо свидетельствует о резком падении числа именно молодых избирателей, что говорит и о соответствующем отношении к политике вообще» [5].

Западными авторами (Р. Инглхарт, Барнс, Каазе) данный спад политического участия объясняется как повышение уровня недоверия к власти и эманципации от нее. Исследование, проведенное в рамках «World Values Survey» с 1980 по 2010 г., также указывает на две противоположные тенденции: с одной стороны, человек эмансируется от традиционного участия в политике, с другой – резко расширяется масштаб противоэлитной активности [6. С. 139]. Методика «World Values Survey» в противоэлитную активность включает петиции, демонстрации, бойкоты, флеш-мобы, митинги, шествия и иные различные ненасильственные акции, направленные снизу против власти. Противоэлитные политические акции «не являются прямым отражением объективных поводов для недовольства», – утверждает Р. Инглхарт, – и не коррелируются с уровнем электоральной активности западной молодежи. Во-первых, в случаях угрозы демократии и обострения ситуации в стране молодежь активизируется и принимает участие в выборах (например, Болгария 1997 г. и Словакия 1998 г.). Во-вторых, молодые люди способны быстро мобилизоваться во время каких-либо отдельных событий (революций, бунтов, восстаний, волнений, гражданских акций неповиновения). В-третьих, активность молодежи в основном проявляется в виртуальном пространстве (участие в онлайн-дискуссиях, обращение к официальным лицам через Интернет). Конечно, участие через Интернет свойственно современному обществу в целом, но молодежи в особенности, поскольку это наиболее продвинутый и компьютерно грамотный слой населения. И, наконец, для молодежи характерно самовыражение в различных сферах, которое тоже может иметь политический подтекст. Таким образом, опыт западных стран показывает высокую активность молодого поколения в политической сфере. Молодежь создает различные общественно-политические организации и движения, интеллектуальные клубы, школы гражданского образования, стремится участвовать в реальном политическом процессе, эмансируется от власти. Данное обстоятельство оказывает существенное влияние на формирование новых эффективных институтов.

Другие исследователи (Вильям Штраус и Нейл Хоув) в своей теории выделяют несколько поколений, называя современную молодёжь поколением Y (поко-

ление Сети или Миллениум, годы рождения 1983–2003), для которой характерны индивидуальный прагматизм, самонадеянность и политика невмешательства. Наибольший вклад они вносят в дела общины, в благоустройство, а также в сферу технологий. «Миллениум» активно и рационально возводят новые общественные институты [7. С. 29]. Российская же политическая практика препятствует формированию институтов «снизу», ставит барьеры институциональным инновациям молодёжи, тем самым снижая доверие к существующим институтам и уровень вовлеченности в их функционирование со стороны молодого поколения.

Как показывают всероссийские опросы 2000-х гг. (ЦИРКОН 2006 г. [8], ФОМ 2007 г. [9]), российская молодёжь к этому времени уже не проявляла интереса к политике и не желала становиться её активным актором. Молодые люди не видели и до сих пор не видят для себя возможности оказывать влияние на политический процесс, в качестве основных ценностей молодого поколения выступает далеко не политика.

Так, согласно всероссийскому опросу ФОМ 2004 г., лишь 37% респондентов 18–35 лет интересовались политикой; почти две трети молодых сограждан (62%) не проявляли интереса к этой сфере. Обсуждали политические события со своими ровесниками 46% молодых респондентов, не обсуждали – 51% [10].

В масштабном социологическом исследовании «Российская молодежь: потенциал политической мобилизации», проведенном Исследовательской группой ЦИРКОН в 2006 г. (общий объем выборочной совокупности составил 2 856 респондентов), на вопрос «Интересуетесь ли Вы политикой?» 58% молодых людей ответили отрицательно. Более того, лишь 4% опрошенных отметили политическую жизнь как важную для себя сферу. Главное внимание молодых людей сконцентрировано на учебе (69%), семье (67%), работе (67%) и карьере (33%).

Аналогичные результаты были получены исследователями Института социологии РАН в 2007 г. Данный опрос показал, что всего 14% молодых россиян активно интересуются политикой, иногда политикой интересуются 52% и не интересуются вообще 33%. Главными ценностями для молодых людей выступают семья (70%), карьера, личный успех (64%), хорошее образование (51%) [11]. Что касается политической и общественной активности молодежи, то она также сравнительно невысока. На вопрос «Приходилось ли Вам за последние год-два участвовать в общественной и политической жизни? И если да, то в какой форме?» почти каждый второй опрошенный молодой россиянин (49%) дал отрицательный ответ. Из различных видов политической деятельности 36% участвуют в выборах в органы власти различного уровня, 7% – в проведении избирательных кампаний, 2% задействованы в деятельности политических партий и общественных движений. На вопрос «Являешься ли ты сторонником политической партии?» 49,2% ответили отрицательно, поддерживают «Единую Россию» 32,7%, ЛДПР – почти 7,2%, КПРФ – 1,7%, Яблоко – 1,1%.

Схожую ситуацию мы наблюдаем на региональном уровне, например, в Алтайском крае и Республи-

ке Алтай, которые относятся к разряду регионов с выраженным традиционалистским менталитетом. Он обусловлен, в первую очередь, дотационным характером экономик регионов, в Алтайском крае – преобладанием аграрного сектора и предприятий сельхозпредприимущества промышленности, низким уровнем жизни, отсутствием финансовых ресурсов для развития мелкого и среднего бизнеса, в Республике Алтай все это осложняется географическими условиями и национальной спецификой, по сути – существованием присваивающей экономики.

Население Алтайского края примерно поровну делится на городское и сельское. Существуют определенные различия в политических установках жителей города и села. В сельских районах доминируют патриотические представления. Городское же население неоднородно по своим социокультурным характеристикам. В краевом центре – Барнауле, а также в Бийске в основном сосредоточен интеллектуальный потенциал, высока доля квалифицированных работников, выше занятость в предпринимательстве. Довольно динамично развивается Белокуриха как город, связанный с курортным сервисом. Здесь выше доля среднего класса, активная культурная жизнь. Именно для жителей этих городов в большей степени характерна ориентация на современные либеральные и демократические ценности. Вместе с тем в крае имеются средние и малые города, в том числе и монопрофильные, такие как Заринск и Рубцовск, вся жизнь которых связана с функционированием одного предприятия. Их население, по определению директора региональной программы Независимого института социальной политики Н. Зубаревич, в основном является носителем традиционалистских политико-культурных ценностей и «советского образа жизни» [12]. Данное утверждение справедливо и для Республики Алтай, где есть единственный город – Горно-Алтайск, 71,3% населения составляют сельские жители. Активная молодежь перемещается в города, оставшаяся же включается в устоявшийся экономический уклад и воспроизводит сложившиеся этнокультурные традиции.

Как отмечал М. Мид, для традиционных обществ, основывающихся на большой семье с устоявшимся образом жизни, характерно обучение детей у своих родителей, предков. Молодежь ориентируется на опыт старшего поколения без привнесения новшеств. По мере социального развития общества такая передача опыта исчезает, оказываясь недостаточной. Формируется кофигуративный тип, когда более важной становится ориентация на опыт современного поколения и влияние сверстников оказывает большую роль, чем влияние родителей. В связи с ускорением темпов современного общества получил развитие новый тип межпоколенных отношений, где молодежи принадлежит ведущая роль в подготовке основы для развития общества будущего. Здесь уже взрослые учатся у своих детей, а опыт предшествующих поколений может даже мешать оценке новых категорий. Однако такие особенности молодежи могут входить в противоречие с традиционной культурой общества,

ситуативно разрешаясь в пользу того или иного варианта взаимоотношений между поколениями [13. С. 284].

Как показал опрос, проведенный Центром политического анализа и технологий Алтайского государственного университета в сентябре 2013 г., лишь 17,6% молодёжи Алтайского края постоянно интересуются политической ситуацией в регионе, часто – 18,4%, редко – 48,4%. Аналогична ситуация и в Республике Алтай, где уровень заинтересованных политической жизнью оказался ещё ниже – 13,7%, часто интересуются политикой 14,7%, редко – более 50% опрошенных.

Самыми популярными источниками информации о политике, как в Алтайском крае, так и в Республике Алтай, выступают Интернет (67,2 и 52,9% соответственно) и центральное телевидение (53,6 и 42,1%). Однако если в Республике Алтай третье место по популярности у молодежи занимают местные газеты (21,6%), то молодое поколение Алтайского края отдает предпочтение местному телевидению (32,4%). Местные газеты значимы для 19,2% опрошенных.

Однаковы и приоритетные проблемы молодёжи: во-первых, это рост цен (62% в Алтайском крае и 44,1% в Республике Алтай), во-вторых, материальное обеспечение (43,2 и 36,2%) и, в-третьих, развитие образования и культуры (34,8 и 29,4%). Стоит отметить, что значительная разница наблюдается у респондентов по отношению к проблеме ЖКХ: молодое поколение Алтайского края гораздо больше обеспокоено ею (28,8%), нежели молодёжь Республики Алтай (9,8%). Аналогично состояние экономики более беспокоит жителей края (20,4%), чем молодых людей из Республики Алтай (4,9%). Почти в два раза чаще молодёжь Алтайского края волнует и проблема безработицы: 32,8% против 16,7% в Республике Алтай.

Выборы для молодых людей – основной вид политической деятельности, в котором они принимают участие (47,6 и 36,2%). При этом специфика регионов проявляется в иерархии значимости выборных должностей. Так, среди молодёжи Алтайского края выше всего готовность принять участие в выборах Президента РФ (46,4%), для сравнения в Республике Алтай – 20,6%. Молодое поколение Республики Алтай более заинтересовано в голосовании за главу Республики (25,5%), в то время как в Алтайском крае в выборах губернатора были готовы принять участие 24,5%. Выборы депутатов Государственной думы для молодых людей Республики Алтай менее значительны (8,9%), чем для молодёжи края (22,8%). В Республике Алтай молодые люди отдают предпочтение выборам депутатов местного собрания (16,7%), депутатов Эл Курултая (12,8%), а молодое поколение края, наоборот, меньше всего заинтересовано в местных выборах – депутатов АКЗС (10,9%) и депутатов местных собраний (9,7%).

Однако значительная доля молодёжи как Алтайского края (42,8%), так и Республики Алтай (38,2%) вообще не участвует в каких-либо политических мероприятиях. В основе этой позиции в основном лежит оценка деятельности органов власти. В частности, большинство молодёжи Алтайского края считает, что

деятельность администрации края скорее неэффективна (27,2%), эффективной ее называют лишь 6,4% опрошенных. В Республике Алтай неэффективной работу правительства сочли 19,6% респондентов, 20,6% оценивают ее как скорее не эффективную.

Исходя из этого, формируется и уровень доверия молодежи политическим институтам. Самым высоким уровнем доверия у молодёжи как Алтайского края, так и Республики Алтай пользуется Президент РФ (24,4 и 24,5% от общего числа опрошенных). Правительству РФ молодое поколение края доверяет меньше (8,6%), чем молодёжь Республики Алтай (13,7%).

Большая разница в уровне доверия – по отношению к силовым структурам. Молодые люди Алтайского края гораздо больше доверяют таким институтам, как армия (12,7%), ФСБ (11,8%), полиция (9,8%), нежели молодёжь Республики Алтай – 3,9; 3,9 и 8,8% соответственно.

Низкий рейтинг доверия демонстрируют представительные органы власти как федерального, так регионального и муниципального уровней. Так, в Алтайском крае Государственной думе доверяют 6,5%, Совету Федерации – 4,1%, АКЗС – 6,9%, городской или районной думе – 3,7%. В Республике Алтай Государственной думе и Совету Федерации доверяют 4,9%, Эл Курултаю – 9,8%, городской или районной думе – 1%. Невысок уровень доверия среди молодёжи двух регионов и к политическим партиям. В Алтайском крае им доверяют 4,5%, а в Республике Алтай 2%. Данные цифры подтверждают, что эти политические институты не выступают источником самоорганизации среди молодого поколения.

Наиболее важными ценностями для молодёжи Алтайского края выступают свобода личности (50,6%),

частная собственность (43,8%), равенство всех перед законом (43,4%), личный успех (40,2%), общественный порядок (36,6%). Ценности молодёжи Республики Алтай распределились следующим образом: равенство всех перед законом (37,3%), общественный порядок (34,3%), свобода личности (31,4%), сильное государство (29,4%), личный успех (26,5%).

В целом можно сделать вывод, что все современные исследования подтверждают невысокую социальную и политическую активность российской молодёжи, в том числе и на региональном уровне. Большая часть молодого поколения не проявляет интереса к политике и демонстрирует минимальный уровень реального участия в каких-либо мероприятиях социально-политического характера. Молодёжь редко ходит на выборы и не желает себя связывать с политической сферой, вступать в партии и общественные движения. Можно предположить, что свое неучастие в политической жизни молодежь не рассматривает как «проблему»: не видя никаких особых препятствий к проявлению политической активности, молодые люди просто выбирают другие сферы приложения энергии, главными ценностями выступают семья, образование, личный успех, но не политика. Более того, неучастие обосновывается низким уровнем доверия к институтам общества, что говорит о невключенности молодежи в существующую институциональную среду и ее неготовности выступить субъектом внутренних институциональных инноваций. Поэтому на сегодняшний день возникает актуальная потребность в политической интеграции молодого поколения с целью повышения качества работы институтов и обеспечения стабильности развития общества в среднесрочной перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панов П.В. Политическое сообщество: конструирование и институционализация // Полис. 2007. № 1.
2. Кон И.С. Открытие «Я». М., 1978.
3. Сафонов А.Н. Молодёжь России в современном политическом процессе // Научные труды Кубанского государственного университета. Краснодар, 2010.
4. Данилин П. Новая молодёжная политика. М., 2006.
5. Антонов А. Проблема участия молодежи в политике. URL: <http://polit.mezhdunarodnik.ru/art.php3?Rub=365&id=13394>, свободный (дата обращения: 27.04.2015).
6. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М., 2011.
7. Strauss W., Howe N. The Fourth Turning: An American Prophecy – What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny. N.Y. : Broadway Books, 1997.
8. Российская молодёжь: потенциал политической мобилизации». URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/f5e/060525.pdf>, свободный (дата обращения: 10.03.2015).
9. Молодёжь: 18–25 лет. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d092914>, свободный (дата обращения: 11.03.2015).
10. Аполитическая молодёжь. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/of040205>, свободный (дата обращения: 28.04.2015).
11. Молодежь новой России: ценностные приоритеты. URL: http://www.irasas.ru/analytical_report_Youth.html, свободный (дата обращения: 28.04.2015).
12. Зубаревич Н. Перспектива: Четыре России // Ведомости. 30.12.2011 г. URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1467059/chetyre_rossii, свободный (дата обращения: 13.03.2015).
13. Лисовский В.Т. Социология молодежи. СПб., 1996.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 мая 2015 г.

RUSSIAN YOUTH IN INSTITUTIONAL TRANSFORMATIONS: THE DETERMINANTS OF NON-PARTICIPATION

Tomsk State University Journal, 2016, 405, 145–149. DOI: 10.17223/15617793/405/20

Shashkova Yaroslava Yu. Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: yashashkova@mail.ru

Derendyaeva Anna D. Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: a.derendyaewa@yandex.ru

Keywords: political consciousness of young people; institutional transformation; Altai Krai; Altai Republic.

The authors study the transformation process in Russia (at the turn of the 20th and 21st centuries) which was aimed at the institutional modernization of society. However, attempts to create informal institutions which could create a stabilizing basis in the community had the reverse process. The new institutions began to be “hybrid entities” and led the political sphere to the “institutional trap”. The young generation was in especially difficult circumstances, because institutional innovations were additional difficulties in their current process of socialization; the new institutions also had a negative impact on the social, psychological and physiological characteristics of this group of people. The dynamics of the all-Russian opinion polls over the last ten years shows that the participation of the young generation in politics is at a low level, i.e. young people are not interested and involved in politics and do not trust political institutions. However, the young generation is a social group that is a factor of institutional innovation. Therefore, the study of the specificity of the political consciousness of young people, including those at the regional level, is important for the authors. Altai Krai and the Republic of Altai, which have the characteristics of traditional thinking and values, attract the attention of the authors. The consciousness of the population is affected by the subsidized nature of the region’s economy, low living standards, and the lack of financial resources for the development of small and medium-sized businesses. This situation impacts the young generation. According to the poll conducted by the Center for Political Analysis and Technology of Altai State University, the youth of Altai Krai and the Republic of Altai bring the all-Russian experience of non-participation in the political sphere to the regional level. The young generation rarely addresses the issues of the political process, i.e. many respondents underestimate the importance of politics. At the same time, young people become active participants in other spheres of life such as family, education and personal success. The most important values for young people are individual liberty, private property, equality under the law. The authors hypothesize that the young generation is not involved in the political sphere because of the lack of trust in the institutions of society; it is an indicator of an inefficient youth policy. Therefore, the actual need for the political integration of the young generation today occurs in order to improve the quality of institutions.

REFERENCES

1. Panov, P.V. (2007) Politicheskoe soobshchestvo: konstruirovaniye i institutsionalizatsiya [Political Community: Construction and Institutionalization]. *Polis*. 1.
2. Kon, I.S. (1978) *Otkrytie "Ya"* [The discovery of the "I"]. Moscow: Politizdat.
3. Safronov, A.N. (2010) Molodezh' Rossii v sovremennom politicheskem protsesse [Russian youth in the modern political process]. *Nauchnye trudy Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta*.
4. Danilin, P. (2006) *Novaya molodezhnaya politika* [The new youth policy]. Moscow: Evropa.
5. Antonov, A. (n.d.) *Problema uchastiya molodezhi v politike* [The problem of youth's participation in politics]. [Online]. Available from: <http://polit.mezhdunarodnik.ru/art.php3?Rub=365&id=13394>. (Accessed: 27 April 2015).
6. Inglehart, R. & Welzel, C. (2011) *Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, Cultural Change and Democracy: The sequence of the human development]. Moscow: Nov. izd-vo.
7. Strauss, W. & Howe, N. (1997) *The Fourth Turning: An American Prophecy – What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny*. N.Y.: Broadway Books.
8. Zircon.ru. (n.d.) *Rossiyskaya molodezh': potentsial politicheskoy mobilizatsii* [Russian youth: the potential for political mobilization]. [Online]. Available from: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/f5e/060525.pdf>. (Accessed: 10 March 2015).
9. Bd.fom.ru. (n.d.) *Molodezh': 18–25 let* [Youth: 18–25]. [Online]. Available from: <http://bd.fom.ru/report/map/d092914>. (Accessed: 11 March 2015).
10. Bd.fom.ru. (n.d.) *Apolitichnaya molodezh'* [Apolitical youth]. [Online]. Available from: <http://bd.fom.ru/report/map/of040205>. (Accessed: 28 April 2015).
11. Isras.ru. (2007) *Molodezh' novoy Rossii: tsennostnye priority* [Young people of the new Russia: value priorities]. [Online]. Available from: http://www.isras.ru/analytical_report_Youth.html. (Accessed: 28 April 2015).
12. Zubarevich, N. (2011) Perspektiva: Chetyre Rossii [Prospect: Four Russias]. *Vedomosti*. 30 December. [Online]. Available from: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1467059/chetyre_rossii. (Accessed: 13 March 2015).
13. Lisovskiy, V.T. (1996) *Sotsiologiya molodezhi* [Sociology of Youth]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

Received: 25 May 2015